

ДОСВІД ВИЗНАЧЕННЯ ОСНОВИ ЄДНОСТІ НАУКИ І ДУХОВНОЇ ПРИРОДИ ЛЮДИНИ (РОЗДУМИ НАД РОБОТОЮ Р. ШТАЙНЕРА «ІСТИНА І НАУКА: ПРОЛОГ ДО «ФІЛОСОФІЇ СВОБОДИ»)

Порятунок не може прийти інакше, ніж через вільне воління людини, – стверджує антропософія. Як розвинути в собі таке воління, яке одночасно буде виступати чистим мисленням, свободою, моральним законом? Засновник антропософії – Рудольф Штайнер – австрійський учений, соціальний реформатор, філософ, містик і ясновидець ХХ століття, вважає, що одне з основних завдань на цьому шляху – розвивати гносеологію, логіку, філософію і все, що можна отримати з чистого мислення до будь-якого досвіду – і чуттєвого, і надчуттєвого [1]. Антропософія, як і будь-яка інша система наукового пізнання, має власну методологію, яка включає в себе безпередумовну гносеологію, вчення про семичленну метаморфозу, гетеанізм, основи теорії мислення, теорії діяльності та методики надчутливого сприйняття. Ми зупинимось на проясненні цих складових частин методології мислителя, представлених в роботі «Істина і наука: пролог до «Філософії свободи» (1891), з якої ясно випливає, що антропософія може виступити універсальним методом і по відношенню до всіх інших наук, і, в першу чергу, в справі пізнання істинної природи людини. Принаймні, сам Р. Штайнер з приводу цього не має сумнівів.

Ключові слова: філософська антропологія; антропософія; безпередумовна гносеологія; даність; мислення; людина.

Спасение не может прийти иначе, чем через свободное воление человека, – утверждает антропософия. Как развить в себе такое воление, которое одновременно будет выступать чистым мышлением, свободой, нравственным законом? Основоположник антропософии - Рудольф Штайнер - австрийский учёный, социальный реформатор, философ, мистик и ясновидящий ХХ века, считает, что одна из основных задач в этом пути - развивать гносеологию, логику, философию и все, что можно получить из чистого мышления до всякого опыта – и чувственного, и сверхчувственного [1]. Антропософия, как и всякая другая система научного познания, имеет собственную методологию, включающую в себя беспредпосылочную гносеологию, учение о семичленной метаморфозе, гетеанизм, основы теории мышления, теории деятельности и методики сверхчувственного восприятия. Мы остановимся на прояснении этих составных частей методологии мыслителя, представленных в работе «Истина и наука: пролог к «Философии свободы» (1891), из которой ясно следует, что антропософия может выступить универсальным методом и по отношению ко всем остальным наукам, и, в первую очередь, в деле познания истинной природы человека. По крайней мере, сам Р. Штайнер в этом не сомневался.

Ключевые слова: философская антропологія; антропософія; беспредпосылочная гносеология; данность; мышление; человек.

Salvation can not come except through free volition of man - says Anthroposophy. How to develop such a volition which is at the same time act as pure thought, freedom, moral law? The founder of anthroposophy - Rudolf Steiner - an Austrian scholar, social reformer, philosopher, mystic and seer of the XX century, believes that one of the main tasks in this way - to develop epistemology, logic, philosophy, and all that can be obtained from pure thought to all experience - and sensory and extrasensory [1]. Anthroposophy, like any other system of scientific knowledge, has its own methodology, which includes epistemology sumption-free, the doctrine

of sevenfold metamorphosis Goetheanism, thinking foundations of the theory, activity theory and methodology of extrasensory perception. We focus on the clarification of these components thinker methodology presented in "Truth and Science: the prologue to the" Philosophy of Freedom" (1891), from which it should be made clear that Anthroposophy can act as a universal method and in relation to all the other sciences, and, first of all, in the knowledge of the true nature of man. At least, Rudolf Steiner himself did not doubt it.

Key words: philosophical anthropology; anthroposophy; sumption-free epistemology; granted; thinking; human.

Постановка проблеми. Современная философия предполагает полимодальность истолкования мира. Число таких базовых моделей возрастает и к ним в качестве равнозначных, наряду с известными, такими как эволюционистские или научно-материалистические, присоединяются эзотерические доктрины, в рамках которых принято рассматривать антропософское учение [2]. Актуальность антропософии обусловлена ее интегральностью и возможностью найти объяснения тому, что было необъяснимым с точки зрения научно-рационального знания. В ней представлены средства познания, организованные вокруг единого центра – духовной природы человека, позволяющей интерпретировать смыслы сложных отношений человека с миром и самим собой. Будучи на сегодняшний день проявленным пластом культуры, антропософия нуждается в серьезной проработке рефлексивным философским аппаратом, что позволит заполнить ряд теоретических пробелов в гносеологии, антропологии и философии культуры.

Изучение творчества основателя антропософии – Рудольфа Штайнера, корректная интерпретация его идей, понимание оригинальной методологии исследования природы человека, основой которой выступает духовность, становятся все более востребованными не только в теории, но и в практике различных сфер жизни человека: социологии, экологии, медицине, фармакологии, педагогике, бизнесе, искусстве и др.

Анализ исследований и публикаций. Изучение источников, посвященных творчеству Р. Штайнера, позволяет сделать вывод, что интерес к его идеям присутствует в разных областях знания. Наиболее полно исследователями проанализировано философско-педагогическое наследие мыслителя (А. Бах, В. Загвоздкин, О. Ионова, А. Пинский, А. Тыгу и др.). Часть публикаций посвящена лечебно-педагогическим сообществам, организованным на принципах антропософии Р. Штайнера. Одним из самых ярких в этом направлении является опыт К. Кенига, обобщенный в сборнике его работ («Человек в Camphill'е», 1996). Со второй половины XX в. развиваются школы управленческого консультирования (конфликт-менеджмент), основанные на антропософских идеях, представленные в работах Б. Ливехуда и Ф. Глазла («De levenslop van de mens», 1976; «Человек в сообществе», 1977). Методологией антропософии, как духовной науки, наиболее продуктивно занимались В. М. Розин («Эзотерический мир. Семантика сакрального текста», 2002; «Мышление и творчество», 2006), И. Фишман («Сумма методов», 2008), Г. А. Бондарев («Триединый человек тела, души и духа. Опыт осмысления методологии науки о духе»,

1999). Среди биографических работ выделим исследование К. Линденберга («Рудольф Штайнер. Биография», 1995). Однако в украинской философии ощущается недостаток аналитических работ по Р. Штайнеру в целом, и, в первую очередь, исследований, посвященных методологическим вопросам антропософии, что и побудило автора предложить свою интерпретацию размышлений Р. Штайнера о путях познания духовной природы человека.

Цель статьи – представить ключевые положения программной, на наш взгляд, работы Рудольфа Штайнера «Истина и наука: пролог к «Философии свободы», которая закладывает фундамент единства эзотерического и эзотерического знания, позволяющего человеку познать себя как осознанную, действующую и свободную личность.

Изложение основного материала.

Теория познания И. Канта об ограниченных возможностях познавательной способности человека и ее последователи. В предисловии к своему труду «Истина и наука: пролог к «Философии свободы»» (1891) Рудольф Штайнер конечной целью всей науки называет «повышение ценности бытия человеческой личности» [3, с. 11]. В связи с этим создатель антропософии решительно не согласен с выводами И. Канта относительно ограниченных возможностей познавательной способности человека, заключающихся в том, что наше научное устремление должно держаться в пределах опытно-доступного и не может подойти к познанию *сверхчувственной первоосновы* – «вещи в себе». На протяжении всего произведения Р. Штайнер проводит идею о том, что для нашего мышления достижимо все то, что нужно для объяснения и понимания мира, а допущение И. Кантом вне нашего мира лежащих начал этого последнего мыслитель считает предрасудком отмершей догматической философии. В то же время Р. Штайнер отмечает, что, несмотря на то, что И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель и А. Шопенгауэр хоть и отошли от позиции И. Канта об ограниченных возможностях познавательной способности человека и искали познаний высшей истины, однако, не заложили «для такого начинания основы посредством исследования природы самого познания» [там же, с. 10]. Штайнер утверждает, что такой основой может послужить *знание значения чистого мира идей и их отношения к области чувственного восприятия*.

Разворачивая аргументацию в заочной дискуссии с философами о возможностях познания человеком мира и взаимоотношении человека и мира, Штайнер приходит к выводу, что «истина не представляет, как это обыкновено принимают, идеального отражения чего-то реального, но есть свободное порождение

человеческого духа, порождение, которого вообще не существовало бы нигде, если бы мы его сами не призвали [там же]. Духовное творчество человека и его чувственный мир тем самым органически включаются в общий мировой процесс. «Без этой деятельности мировой процесс совсем нельзя было бы мыслить, как замкнутое в себе целое» [там же, с. 11], – отмечает мыслитель. Человек является деятельным сотворцом мирового процесса; а познание – самым совершенным членом в организме Вселенной. Органической частью духовного творчества выступает нравственная сфера, идеалы которой являются свободным порождением человека и неотъемлемой частью самой истины. Иначе говоря, человек выполняет то, что он сам себе предписывает как норму своей деятельности, и лишь в контексте нравственности способен говорить об истине как теоретико-познавательной категории.

Задачу своей работы Р. Штайнер видит в том, чтобы «посредством анализа, восходящего до последних элементов акта познания, правильно сформулировать проблему познания и наметить путь к ее решению» [там же, с. 13]. Выполнение этой задачи требует нахождения *исходного пункта беспредпосылочности* как основы для всякого научного стремления [там же, с. 18], ибо при анализе различных познавательных систем обнаруживается, что в исходных точках исследования очень часто уже принимаются предварительные допущения. Стремление создать теорию познания как науки, вполне лишенной предпосылок, – вот главная цель творческих усилий мыслителя в данном произведении.

Основания к преодолению субъективизма, присущего теории познания Иммануила Канта и метафизического абсолютного идеализма Г. Гегеля, Р. Штайнер находит в формулировании собственной позиции объективного идеализма, который «ищет основание для расщепления действительности на данное бытие и понятие в субъекте познания, и видит соединение их не в объективной мировой диалектике, а в субъективном процессе познания» [там же, с. 13].

Исходя из этого, Р. Штайнер приходит к выводу, что в своей теории познания кенигсбергский мыслитель не свободен от предпосылок, так как ставит наличие безусловно достоверной системы знания в зависимости от того, что она строится только на синтетических суждениях *argūti*, добываемых независимо от какого-либо опыта. Штайнер подчеркивает, что остается совсем не установленным, можем ли мы приходить к такого рода суждениям помимо опыта или только через него. Ведь для непредвзятого мышления такая независимость кажется заранее невозможной. Ибо предмет нашего знания в своей первичной презентации сознанию должен предстать в виде непосредственного индивидуального, т.е. стать опытом, – стать для нас *переживанием* совершенно так же, как какое-нибудь событие во внешней природе. Р. Штайнер полагает, что в кантовской постановке вопроса заложены две предпосылки: во-первых, что кроме опыта мы должны иметь еще один путь для достижения познаний, – априорный и, во-вторых, что всякое опытное знание имеет только условную значимость. Однако, «этим утверждениям обязательно должно

было бы предшествовать исследование сущности опыта, а также сущности нашего познания» [3, с. 25].

Анализируя точки зрения философов после И. Канта (Г. Э. Шульце, Э. Гартмана, Е. Фишера и др.), Р. Штайнер показывает, что и наивный реализм, и трансцендентальный идеализм (субъективизм) взаимобусловлены в своих позициях. Ибо, если исходить из того, что знание распространяется прежде всего только на представления, то это есть уже определенное познавательное суждение, которое выступает предпосылкой исследования познавательного процесса. Через это положение я присоединяю к данному миру предикат, именно существование в форме представления. Однако, замечает Штайнер, неизвестно, откуда прежде всякого познания должен я знать, что данные мне вещи суть представления. То есть, за исходный пункт познания принимается промежуточный его этап.

Исходные точки теории познания. Основываясь на положении о единстве чистого опыта и мышления, сформулированном в «Очерке...» и развивая это положение далее, Р. Штайнер утверждает, что исходным моментом теории познания должно быть то, что, с одной стороны, еще не связано с познанием, а с другой – имеет к нему какое-то отношение. Таковым выступает *непосредственно данный образ мира*, в котором ничто не отделено друг от друга, ничто не обусловлено друг другом и ничто не определяется друг другом, это – непосредственно данное [там же, с. 35]. Наличествует первичная целостность, где нет разделения на реальность и видимость, индивидуальные частности субъективного и объективного, случайного и необходимого; есть ли это вещь в себе или простое представление, этого нельзя решить на данной ступени. «На этой ступени существования – если вправе употребить это выражение – ни один предмет, никакое событие не является важнее, значительнее другого» [там же]. В этом непосредственно данном содержании мира все уже заключено, что только может вообще появиться в пределах горизонта наших переживаний в самом широком смысле слова: ощущения, восприятия, воззрения, чувства, акты воли, создания сна и фантазии, представления, понятия и идеи [там же, с. 39]. Мы видим, что понимание исходной непосредственности наличного ранее было ограничено лишь восприятиями. Термин же «непосредственно данное содержание мира» включает в себя больший спектр способностей человека, полагаемых в исходном пункте в нерасчленном еще единстве. Однако, что это за единство? Ведь мы его определяем через перечисление уже отдельных составляющих?

Следует сказать, что отделение индивидуальных частей из совершенно слитно данного образа мира есть уже акт мыслительной деятельности. Во всем, что устанавливается до начала, есть только целесообразность или нецелесообразность, но не истина или заблуждение. В самой этой начальной точке исключено всякое заблуждение; так как это последнее может начаться только вместе с познанием, следовательно, не может лежать до него. Мыслитель ставит вопрос: Где мы в образе мира находим нечто такое, что, с одной стороны, не есть простая данность, а с

другой – является приведенным в акте познания и дано человеку непосредственным образом? [там же, с. 41]. Непосредственно мы осознаем, что понятия и идеи вступают в сферу непосредственно данного лишь в акте познания, в ходе нашей мыслительной работы. Все другое в нашем образе мира является таковым, что оно должно быть дано, если мы хотим его пережить; только при понятиях и идеях наступает еще и обратное: мы должны их произвести, если хотим их пережить. Только понятия и идеи даны нам в форме интеллектуального созерцания. Вместе с формой мышления в интеллектуальном созерцании должно быть *одновременно* дано и *содержание*, которое мы получаем только в опыте посредством познавательного акта (И. Кант считал, что понятия наличествуют в познании без созерцания и являются пустыми, бессодержательными). При этом идет речь об акте познания, но не о его носителе – «Я», так как последнее может быть установлено уже на основании дальнейших познавательных процедур [там же, с. 43].

Познание и действительность. Подчеркнем, что понятия и идеи – это такое данное, которое одновременно выводит и за пределы данного. Благодаря этому возникает возможность определить также и сущность последующей деятельности познания. При этом следует иметь в виду, что единство мира было искусственно разорвано, а выделенный из данного сегмент (понятия и идеи), стоит в необходимой связи с содержанием мира. Тем самым дан следующий шаг теории познания, сутью которого является восстановление первоначального единства, разорванного этим выделением. Это восстановление совершается в мышлении о данном мире [3, с. 44]. В мыслительном рассмотрении мира фактически происходит соединение двух частей содержания мира: той, которую мы обозреваем как *данное* на горизонте наших переживаний (субъект суждения), и той, которая должна быть произведена в акте познания, чтобы быть также данной (предикат суждения). Р. Штайнер констатирует: «Акт познания есть синтез этих обоих элементов, и притом в каждом отдельном акте познания один из них является произведенным в самом акте, привнесенным через этот акт к только данному. Лишь в начале самой теории познания то, что обычно бывает произведенным, является как *данное*» [там же]. Тем самым мышление по отношению к данному содержанию мира выступает как формирующий принцип.

Процессуально это выглядит следующим образом: сначала мысленно выделяются известные отдельности из совокупности мирового целого, так как в данном нет ничего отдельного, но все находится в непрерывной связи. Затем эти выделенные отдельности мышление соотносит сообразно произведенным им формам и после чего определяет то, что вытекает из этого отношения. Создавая отношение между двумя обособленными частями содержания мира, мышление ничего не определяет из себя об этих частях. Оно выжидает того, что получится само собою вследствие установления этого отношения и фиксируется в непосредственной данности, что и будет познанием о соответствующих частях содержания мира. Только если в данном скрыто нечто, что еще не появляется,

когда мы рассматриваем это данное в его непосредственности, но появляется только при помощи порядка, внесенного мышлением, только тогда возможен акт познания. То, что лежит в данном до мыслительной переработки, это и есть полная его целостность.

Познание покоится, таким образом, на том, что содержание мира дано нам первоначально в такой форме, которая несовершенна, не всецело его содержит, но которая, кроме того, что она предлагает непосредственно, имеет еще вторую существенную сторону. Эта вторая, первоначально не данная сторона содержания мира открывается через познание. Только добытый через познание образ содержания мира, в котором соединены обе указанные его стороны, может быть назван действительностью [там же, с.49].

Свободная от предпосылок теория познания и наукоучение Иоганна Фихте. В анализе философии И. Г. Фихте Р. Штайнер подчеркивает, что философ не показал связи между Абсолютным «Я» и процессом разворачивания его содержания. То есть, проблема взаимосвязи Абсолюта, как Первоначала, и формы его реализации не была решена. По Р. Штайнеру, [там же, с. 51] в силу того, что в сознании идея и данное необходимо выступают раздельно, поэтому и вся полнота действительности для сознания расщепляется на эти две части, соединить которые оно можно путем собственной деятельности, что осуществляется в акте познания. Актуализация остальных категорий (идей), связанных с соответствующими формами данного, возможна при условии, что они прошли через познание и были восприняты в нем через деятельность сознания. Полагание же безусловного абсолютного субъекта «Я», как необходимого и достаточного условия для построения картины мира без корреляции с данностью, останется пустым и бессодержательным. «Я» может полагать только *определенную* деятельность. Оно не может полагать *действительности самой по себе*. Другими словами, полагание должно иметь содержание, но «Я» не может взять это содержание из себя самого. Таким образом, для полагания, для абсолютной деятельности «Я», должно существовать нечто, что через эту деятельность реализуется. Без обращений к чему-либо данному «Я» ничего не может и полагать. Тем самым устраняется всякая возможность движения от безусловного к обусловленному. И. Фихте лишь обозначил полагание бытия как характер деятельности «Я», не выяснив чем определяется эта деятельность. Согласно Р. Штайнеру, «Я» лишь тогда приходит к полному содержанию действительности, когда оно приступает со своими формами мышления *к данному*. В противном случае, как это имеет место у И. Фихте, процесс познания представляется как создание мира из «Я», – образ мира все более становится построением «Я». Штайнер замечает: «Поскольку Фихте не установил *понятие познания*, которое [понятие] должно осуществить «Я», то он напрасно старался найти какой-нибудь переход от своего абсолютного деяния-действия к дальнейшим определениям «Я»» [там же, с. 52]. И. Фихте просто обозначил полагание бытия как характер абсолютного деяния-действия, не уяснив, чем определяется деятельность «Я». Определение, исхо-

дящее из «Я», останется пустым и бессодержательным, если «Я» не найдет чего-то содержательного, до конца определенного, каковым и является мир мышления.

Определить данное через мышление – основная функция познания. Познание осуществляется через самоопределяющуюся *свободную деятельность «Я»*, «ибо когда непосредственно данное и принадлежащая ему форма мышления соединяются через «Я» в процессе познания, то соединение этих, остающихся иначе всегда разделенными в сознании, двух элементов действительности может происходить только через акт свободы» [там же, с. 59].

Подводя итог исследованию теории познания, Р. Штайнер подчеркивает, что: 1) в его концепции преодолевается односторонность догматизма («вещь в себе») и субъективного идеализма (абсолютное «Я»), так как они по своему взаимоотношению существенно определяются лишь в мышлении. «Вещь в себе» и «Я» нельзя определить путем вывода одного из другого, но оба должны быть определены из мышления сообразно их характеру и отношению. Односторонность эмпиризма и рационализма устраняется, объединением их позиций в идее единства восприятия и мышления. Эмпиризму отдается должное принятием тезиса о том, что по содержанию все познания о данном могут быть достигнуты только в непосредственном соприкосновении с самим данным. Рационализм же находит свое место в теории познания за счет того, что мышление объявляется необходимым и единственным посредником познания. Скептицизм же вынужден оставить свои сомнения в возможности познания мира, «так как относительно «данного» не в чем сомневаться, ибо оно еще не затронуто никакими дарованными через познание предикатами» [там же, с. 61-62].

2) В вопросе познающей личности по отношению к объективному существу мира Штайнер делает следующий взвод: а) в нашем знании изживает себя самое внутреннее ядро мира. Закономерная гармония,

которую управляется Вселенная, выявляется в человеческом познании; б) сущность знания заключается в том, что в нем проявляется никогда не находимое в объективной реальности основание мира. Наше познание есть *постоянное вживание в основание мира*; в) наша деятельность есть часть общего мирового процесса. Тем самым она также подчинена общей закономерности этого процесса.

Выводы. Эти теоретические положения очерчивают подход и к практическому пониманию жизни, и к определению закономерности для человеческой деятельности. Познание этой закономерности есть только особый случай познания. Рассмотренные воззрения о природе познания должны быть, таким образом, применимы в реальной жизни. Особо выделим акцент Р. Штайнера на том, что образ жизни человека по своему характеру обусловлен его нравственными идеалами. Это идеи, которые он имеет относительно своих задач в жизни, а также те, которые должен создавать и реализовывать через свою деятельность.

Отсюда вытекает задача для человека: познать себя как действующую личность, то есть, научиться владеть соответствующими законами (нравственными понятиями и идеалами) *как знанием* для своей деятельности. В случае познания этой закономерности наша деятельность становится нашим делом. И тогда закономерность не будет нам дана как нечто, что лежит вне объекта, над чем совершается процесс, но будет выступать как содержание самого занятого живым деланием объекта. Объект в данном случае есть наше собственное «Я». Познать законы своей деятельности значит сознавать свою свободу. И, соответственно, процесс познания есть процесс развития и движения к свободе. Превращение области необходимости в таковую же с характером свободы есть задача как всякого индивидуального развития, так и всего человечества. Самая важная проблема всякого человеческого мышления – понять человека как основанную на себе самой свободную личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фишман И. Что не делать. О методологически правильной постановке извечного вопроса // [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=5408>.
2. Поляк В. С. Опыт применения игрового канона (как оригинальной версии ОДИ) для решения межнациональных конфликтов // Доклад на конференции, посвященной Международному Дню Философии. – СПб., 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=6405>.
3. Штайнер Р. Истина и наука: пролог к «Философии свободы». Философия свободы: основные черты одного современного мировоззрения / Р. Штайнер. – СПб : Деметра, 2007. – 440 с.

Рецензенты:

Гавеля В. Л., д-р філософ. наук, професор;

Марченко О. В., д-р філософ. наук, професор.

© Осипов А. О., 2016

Дата надходження статті до редакції 18.12.2016